

РУССКО-НЕМЕЦКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАЙМОСВЯЗИ В ЭПОХУ РЕАЛИЗМА

Райнхард Лауэр

(Reinhard Lauer, Göttingen)

С точки зрения литературоведения материал, ставший предметом рассмотрения в настоящей статье, может быть обозначен как «литературный быт». При этом имеются в виду рамки социальной и литературной среды, в пределах которых находится собственно предмет литературоведения, а именно, художественно оформленные тексты. «Литературный быт» охватывает формы писательских объединений, общественные и светские контакты, условия творчества, а также отношения с издателями и книжной торговлей, реакцию литературной критики и другие формы восприятия литературных произведений.¹ Таким образом, «литературный быт» – это не столько художественные тексты в собственном смысле, сколько обстоятельства их создания и восприятия. В некоторых случаях «литературный быт» может играть не менее важную роль для понимания литературных процессов, чем сами тексты.

В нашем случае, при рассмотрении немецко-русских литературных связей во второй половине XIX века, некоторые особенности текстов и, прежде всего, феномен большого интереса к русской литературе в Германии вряд ли можно правильно оценить без знания определенных фактов «литературного быта». В поле зрения здесь, в первую очередь, попадает Иван Тургенев, однако и Федор Достоевский, и Лев Толстой и другие русские авторы не должны оставаться без внимания, если уж мы рассматриваем литературные связи.² Русская публика, как будет показано, не проявила равного интереса к немецкой литературе того времени. Период значительного влияния немецкой литературы на русскую пришелся на более раннюю эпоху – время Гете, Шиллера, Гейне. Позднее, в период модернизма, свою роль сыграли Шопенгауэр, Ницше и вновь немецкие романтики, что, впрочем, уже не относится к рассматриваемой теме.

¹ Понятие «литературный быт» введено в литературоведческий обиход Б. М. Эйхенбаумом в 1927 г. и далее разрабатывалось им в 1920-е гг. О становлении этого понятия см.: Примечания к кн.: Б. М. Эйхенбаум. *О литературе. Работы разных лет.* М., 1989. С. 521–524; см. также: V. Erlich. *Russian Formalism. History – Doctrine.* 's-Gravenhage 1955. S. 102ff.

² См. об этом: Alfred Rammelmeyer. *Die Aufnahme der russischen Literatur in Deutschland // Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte. Vierter Band.* Berlin–New York, 1979. S. 16–20; см. также: R. Lauer. *Slawisch-deutsche Literaturbeziehungen // W. Killy (Hrsg.). Literatur Lexikon. Bd. 14 (Begriffe, Realien, Methoden, hrsg. von Volker Meid).* Gütersloh–München, 1993. S. 377–378.

В истории немецкой литературы имел место период, ознаменовавший новый этап ее развития, когда русское повествовательное искусство было воспринято как откровение и как источник важнейших творческих импульсов. Этот процесс начался в 60-е годы XIX века с появлением переводов романов и рассказов Ивана Тургенева и неожиданно достиг кульминации после знакомства немецкой публики с романами Федора Достоевского и Льва Толстого в 80-е годы, а позже с рассказами Максима Горького в 90-е годы. Так, например, юный Герман Гессе зачитывался романами *Дым* и *Новь*. Роман *Дым* – единственная книга, взятая им в 1892 году в интернат строгого пietистского направления – был незамедлительно конфискован «господином инспектором» как «опасный материал для чтения».³ Позднее, в 1895 г., Гессе был восхищен романом *Новь*, который вышел в немецком переводе сначала под названием *Neue Generation* («Новое поколение»).⁴ Он восторженно отмечал: «Тургенев пишет прямо-таки совершенно. Это писатель первой величины, благородная, возвышенная натура и стоит больше, чем все наши писатели-романисты вместе взятые от Фрейтага до Экштейна...».⁵ Он говорит также о «славянском направлении в нашей литературе», которое, по его мнению, не соизмеримо по глубине и более значительно для мировой литературы, чем вся романтическая школа.⁶

Похожее мнение можно встретить и у Томаса Манна, представителя того же поколения, что и Гессе. В его новелле *Тонио Крёгер* (1903) главный герой, мучимый сомнениями в собственном творческом предназначении, говорит с восхищением о русской литературе, называя ее, как известно, «достойной преклонения». Для него это просто святая литература, которая исцеляет и освящает, указывает путь к всепониманию, всепрощению и любви.⁷ Воодушевленный произведениями Тургенева и Достоевского, Томас Манн пишет свои первые наброски и рассказы. Большая семейная сага *Будденброки*, принесшая ему первый литературный успех, возникла под впечатлением от романа Толстого *Анна Каренина*, который «дал [ему] силы» во время работы над *Будденброками*.⁸ Точно так же работа над романом *Доктор Фаустус* сопровождалась чтением *Братьев Карамазовых* Достоевского.⁹ Связь Томаса Манна с русской ли-

³ Kindheit und Jugend von Neunzehnhundert. Hermann Hesse in Briefen und Lebendzeugnissen. Ausgewählt und herausgegeben von Ninon Hesse. Frankfurt am Main, 1998. S. 252.

⁴ Там же. С. 482.

⁵ Там же. С. 483.

⁶ Там же.

⁷ Th. Mann. *Sämtliche Erzählungen*. Frankfurt am Main, 1963. S. 235ff.

⁸ Th. Mann. *Betrachtungen eines Unpolitischen*. Berlin–Darmstadt–Wien, o.J. S. 531. Прежде всего, в своей критике цивилизации Томас Манн долгое время ссылался на Достоевского. Ср.: H. Kurzke. *Thomas Mann. Das Leben als Kunstwerk*. München, 1999. S. 280–285.

⁹ Th. Mann. *Die Entstehung des Doktor Faustus. Roman eines Romans*. Frankfurt am Main, 1949. S. 112.

тературой настолько богаты и многогранны, что не представляется возможным обрисовать их здесь даже в общих чертах.¹⁰ Не случайно в его доме в Мюнхене – согласно составленному в 1905 году плану библиотеки – русские авторы занимали привилегированное место, возвышаясь на полке-башне над всеми другими разделами: немцами, англичанами и скандинавами. (Совсем внизу, под библией, книгами по философии и критикой располагались лирика и французы).¹¹

Все творчество Томаса Манна – задержимся еще на этом великом представителе немецкой литературы XX столетия – обнаруживает черты родства с русской литературой. У писателей русского реализма он учился сочинительскому искусству: созданию многоплановой структуры романов, умению изображать полноту характеров с помощью «лейтмотивов», связанных с образами героев, воссозданию среды, использованию гротескных имен (*Rastorin Höhlenrauch, Doktor Blumenkohl aus Odessa*) и особенно изображению психологических и идеологических поединков как, напр., дуэль Сеттембрини и Нафты в *Волшебной горе*. Кроме того, он постоянно обращался к русским темам. Это «русская человечность» (*Mähnschlichkeit*) в *Тонио Крёгере*, доводы Достоевского против римско-западной цивилизации в *Размышлениях аполитичного* (1918) или переплетение «русских» тем в *Волшебной горе*. Томас Манн создал значительные по своей глубине эссе о Толстом, Достоевском и Чехове.¹² Можно даже говорить о «русском ритме» в творчестве Томаса Манна, обращавшегося попеременно к Толстому и Достоевскому: к Достоевскому в ранних рассказах, к Толстому в *Будденброках*, вновь к Толстому в эссе в 30-е годы, к Достоевскому в романе *Доктор Фаустус*.

Это в высшей степени продуктивное русофильство Томаса Манна необходимо отметить, чтобы привести особенно яркий пример влияния русской литературы на немецкую. Мы можем найти большое количество и других примеров: культ Достоевского среди немецких экспрессионистов,¹³ культ Толстого у Пауля Эрнста,¹⁴ всеобщее восхищение Горьким, которое после ареста писателя в 1906 году и распространения слуха о его смерти вылилось в широкое движение протеста по всей Германии. Его участниками были Гер-

¹⁰ Cp.: L. Venohr. *Studien über Thomas Manns Verhältnis zur russischen Literatur*. Meisenheim am Glan, 1959; A. Hofmann. *Thomas Mann und die Welt der russischen Literatur*. Berlin, 1967.

¹¹ H. Wysling – Y. Schmidlin (Hrsg.). *Thomas Mann. Ein Leben in Bildern*. Zürich, 1994. S. 176f.

¹² Russische Anthologie (1921), Goethe und Tolstoj (1922), Tolstoj. Zur Jahrhundertfeier seiner Geburt (1928), Anna Karenina (1939), Dostoevskij – mit Maßen (1946), Versuch über Tschechow (1954).

¹³ См.: W. H. Sokel. *Der Literarische Expressionismus*. München, o.J. S. 182ff.

¹⁴ Об этом свидетельствует каталог выставки: P. Ernst. *Leben und Werk des Dichters im Umbruch der Jahrhundertwende*. Frankfurt am Main, 1995.

харт Гауптман, Людвиг Фульда и другие значительные деятели культуры.¹⁵ В канун первой мировой войны и по ее окончании вслед за классиками реализма получили известность писатели-модернисты (Дмитрий Мережковский, Федор Сологуб, Михаил Арцыбашев, Осип Дымов, Александр Куприн, Михаил Кузмин и др.). После Октябрьской революции стремительно распространяется в Германии новая литература левого толка (Пролеткульт, Левый фронт искусств (ЛЕФ), имажинизм). Одновременно, в 20-е годы, в «русском Берлине», главном центре и перевалочном пункте эмиграции, бурлит как никогда русская литературная жизнь на немецкой земле.¹⁶

Столетием раньше, т. е. в эпоху, когда юный Пушкин вступил на русскую литературную сцену, русская литература была не только никому не известной на Западе, но и являлась величиной, которой можно было пренебречь, поскольку она никоим образом не могла сравниться с западными литературами. Насколько искаженным может оказаться восприятие литературы свидетельствует тот факт, что в 1928 году в Германии вышло в свет издание произведений Фаддея Булгарина, литератора с сомнительными взглядами и доносчика николаевских времен.¹⁷

Такие проницательные умы, как Карл-Август Фарнгаген фон Энзе, Генрих Кениг или Проспер Мериме во Франции, хотя и сумели распознать, что в лице Пушкина, Гоголя и Лермонтова на литературную сцену явились гениальные авторы, однако в условиях политической нестабильности домартовского периода (кануна революции 1848-го года) и неопределенной ситуации в искусстве эти писатели оказались лишними. Сама немецкая литература с завершением классико-романтического периода уже не имела четких ориентиров; с точки зрения литературы домартовский период явился переходной фазой. В поэтическом выражении писатели все еще придерживались литературно-эстетического идеала «изящной речи»,¹⁸ хотя их политические и общественные цели явно не могли быть достигнуты с помощью старого набора выразительных средств. Величайший немецкий поэт того времени Генрих Гейне разрешает эту творческую дилемму с помощью спасительного сред-

¹⁵ См. библиографические данные в кн.: E. Czikowsky – I. Idzikowskii – G. Schwarz. *Maxim Gorki in Deutschland. Bibliographie 1899–1965*. Berlin, 1968. S. 86ff.

¹⁶ Об этом подробно см.: R. Lauer. *Geschichte der russischen Literatur. Von 1700 bis zur Gegenwart*. München, 2000. S. 530–545.

¹⁷ Th. Bulgarin. *Sämtliche Werke aus dem Russischen übersetzt von August Oldekop*. Leipzig, 1928. В 1830 г. последовало издание нравоучительно-сатирического романа *Иван Выжигин*.

¹⁸ О понятии «*schöne Rede*» («изящная речь») как признаке дореалистической литературы см.: R. Lachmann. *Die Zerstörung der schönen rede. Rhetorische Tradition und Konzepte des Poetischen*. München, 1994. S. 284ff.

ства иронии, что, конечно же, еще нельзя расценить как движение к реализму, т. е. изображению и анализу общественных отношений новыми «непоэтическими средствами». Чтобы справиться с творческими задачами, стоявшими на повестке дня в середине прошлого столетия, немецким авторам требовался толчок, которого собственная литературная традиция дать не могла. Новые импульсы придут из Англии, Франции, но прежде всего из России.

Это связано с развитием литературного процесса в России, который после длительной фазы европеизации с петровских времен вплоть до Пушкина, наверстывая барокко, классицизм, сентиментализм и рококо, в пушкинскую пору вступил в эпоху романтизма, преодолев всякий эклектицизм. Именно романтизм стал первой значительной эпохой, позволившей русской литературе влиться в мировую литературу.

Советское литературоведение, основываясь на догмах реализма, долго пыталось осмысливать русский романтизм с его обращенностью к трансцендентным ценностям как этап на пути к реализму. Удачной такая попытка быть не могла. Однако в конце 30-х – начале 40-х годов, без сомнения, намечается смена парадигм, когда социальное ‘*hic et nunc*’, русское общество со всеми его несовершенствами, напр., положение женщины в обществе и, в первую очередь, крепостное право становятся главными темами литературы. Новый способ писать и наблюдать утвердился в начале сороковых годов XIX века с появлением так называемой «натуральной школы», с которой соприкоснулись все литераторы того времени: сначала Лермонтов и Гоголь, потом Некрасов и Достоевский, Гончаров и Салтыков-Щедрин, но, главным образом, Алексей Писемский, Иван Тургенев и молодой Толстой.¹⁹ Речь идет о неприкрашенном изображении общественных типов в специфических условиях их среды с помощью неэстетизированного социально аутентичного языка в текстах, которые не были больше «поэтическими», «литературными», но претендовали на присвоение функции публицистики, даже науки. Если угодно, на повестке дня была социография. В этом случае говорят о «физиологии», о «физиологических очерках». Сначала они появились во Франции. *Человеческая комедия* Бальзака представляет собой ничто иное, как попытку громадной физиологической классификации всего французского общества с помощью широко задуманных повествовательных текстов. В Германии домартовского периода литературные физиологические очерки едва обратили на себя внимание, исключая, пожалуй, лишь Адольфа Гласбреннера с его юмористическими фельетонами о маленьких лю-

¹⁹ См.: А. Г. Цейтлин. *Становление реализма в русской литературе (Русский физиологический очерк)*. М., 1965; см. также: В. И. Кулешов. *Натуральная школа в русской литературе XIX века*. М., 1965.

дях Берлина. В России, напротив, «натуральная школа» стала школой реалистического стиля. Тот, кто через нее проходил, овладевал техникой достоверной передачи внешнего облика и среды своих героев, их специфического, индивидуального или социально обусловленного языка, а также взаимосвязи характера и среды. В некоторой степени социография и физиология образуют тот фундамент, на котором основан художественный реализм в России. Однако на нем можно произвольно надстроить физиологическое, духовное, философское или религиозное измерение, что мы снова и снова открываем у таких величайших писателей русского реализма, как Тургенев, Лесков, Достоевский и Толстой.

Вновь обратимся к нашей теме взаимосвязей в литературе и рассмотрим, какое влияние оказала немецкая литература на русский реализм. Поскольку, как уже было сказано, немецкого реализма в собственно русском понимании не существовало вовсе, то речь пойдет о влиянии писателей классического и романтического периодов. Так, например, Тургенев в рассказе *Хорь и Калиныч*, первом в *Записках охотника*, противопоставляя два типа крепостных крестьян – самостоятельного, рационалистичного оброчного крестьянина и несколько жалкого идеалистичного барщинного крестьянина, подспудно обращается к шиллеровским типологическим образам наивного и сентиментального поэта.²⁰ Или когда в своей замечательной новелле *Фауст* Тургенев делает главной темой мотивы гетеевского *Фауста* и его роковое влияние на молодую женщину. Подобное воспроизведение классико-романтического материала в рамках реалистической концепции нередко встречается у русских реалистов.²¹ В сочинениях Достоевского снова и снова угадывается Шиллер, чья концепция эстетического воспитания человека произвела глубочайшее впечатление на русских авторов.²² Это в не меньшей степени справедливо и для Гончарова. Хотя его *Обломов* во многих отношениях является «физиологическим» романом, в обрисовке характеров добродушного, но бездеятельного, тучноватого Ильи Обломова и его противоположности – активного предпринимателя Штольца Гончаров следует шиллеровской модели человека с прекрасной организацией внутренних и внешних качеств, ума, души и тела. Обломов, как показал Петер Тирген, предстает человеком-«обломком» (*Bruchstückmensch*), под-

²⁰ И. С. Тургенев. *Полное собрание сочинений и писем*. М.–Л., 1960–1968. Сочинения. Т. 4. С. 394.

²¹ См.: R. Lauer. *Realistisches Wiedererzählen und «gelebte Literatur»*. Zur intertextuellen Struktur von Laza Lazarevićs «Verter» // Th. Wolpers (Hrsg.). *Gelebte Literatur in der Literatur. Studien zu den Erscheinungsformen und Geschichte eines literarischen Motivs*. Göttingen, 1986. S. 231–254.

²² См.: Ch. Schultze. *Aspekte der Schillerschen Kunsttheorie im Literaturkonzept Dostoevskij*. München, 1992.

верженному явлению *obesitas* («тучность»).²³ Однако Генрих Гейне стал тем поэтом, восприятие которого в России отличалось большей последовательностью по сравнению с Гете и Шиллером. Его поэзия, проникнутая романтизмом и иронией, сарказмом и при этом высокохудожественная, переводились на русский язык многими поэтами (в том числе и такими значительными, как Федор Тютчев, Аполлон Майков или Афанасий Фет). Переводы настолько многочисленны и выполнены часто с такой конгениальностью, что можно говорить о «русском Гейне».²⁴ Немецкие авторы-реалисты, как яствует из библиографических материалов,²⁵ представлены в России лишь в незначительном объеме; до 1901 года это Готфрид Келлер, Теодор Шторм, Теодор Фонтане, двумя произведениями каждый (двумя!), то есть можно сказать, что практически и не представлены вовсе. Но и позже вряд ли можно говорить о том, что Фонтане вошел в круг интересов русских читателей. Несколько благоприятнее обстоит дело с авторами произведений о деревенской жизни Бертольдом Ауэрбахом, а также Паулем Хейзе и Евгенией Марлитт. Лишь один автор был отмечен значительным числом переводов, а в 90-е годы даже полным собранием сочинений. Этот писатель – Фридрих Шпильгаген.²⁶ Сегодня в Германии его имя едва ли известно даже знатокам литературы, но в свое время он считался писателем, который своими актуальными критическими романами, по манере дреалистическими, пытался оказывать влияние на политическую ситуацию в стране. Стилистически и тематически в России он был близок прежде всего народникам, которые собственно и занимались переводом и изданием его сочинений.²⁷ В 1884 году они даже пригласили его в Санкт-Петербург для проведения «недели Шпильгагена». Этот визит сопровождался неловкими ситуациями. Когда Шпильгаген пришел в писательский клуб, где должен был читать из своих произведений, сначала его никто не узнал, а когда узнали, то не нашлось никого, кто смог бы объясняться с ним по-немецки. Более того, к нему попытался прорваться подвыпивший писатель со словами: «Дайте мне этого немца ударить по

²³ P. Thiergen. *Oblomov als Bruchstück-Mensch. Präliminarien zum Problem «Gončarov und Schiller»* // P. Thiergen (Hrsg.). I. A. Gončarov. Beiträge zur Werk und Wirkung. Köln–Wien, 1989. S. 163–191.

²⁴ О Гейне в России см.: А. Г. Левинтон. Генрих Гейне. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. М., 1958; Я. И. Гордон. Гейне в России, [I] (1830–1860-е годы), [II] (1870–1917). Душанбе, 1973, 1979.

²⁵ По материалам: Диксон – Мезьер – Брагинский. Библиографические указатели переводной беллетристики. СПб., 1897–1902 (Reprint: London, 1971).

²⁶ Там же. С. 91.

²⁷ См.: Н. М. Теплинская. Творчество Шпильгагена в оценке русских революционно-демократических журналов 60-х – начала 70-х годов XIX века // «Русская литература». 1977. № 3. С. 140–146.

плеши». Упоминание об этом происшествии я нашел в записной книжке молодого Дмитрия Мережковского.²⁸ О реакции Шпильгагена не известно ничего.

Совсем иначе обстоит дело с русскими писателями того времени. По окончании Крымской войны, т. е. после смерти Николая Первого многие из них отправлялись путешествовать по Германии, Западной Европе и Италии; в том числе Федор Достоевский, Лев Толстой, Николай Лесков, Александр Островский. Эти поездки, различные по своим обстоятельствам и целям, позволяют вывести в качестве общей константы более или менее ярко выраженную антипатию русских путешественников к немцам, и некое снова и снова прорывающееся чувство неполноты русских, вызванное высокомерием немцев и их превосходством в развитии техники и цивилизации. Разумеется, это в меньшей степени проявляется у графа Толстого, уверенного в себе аристократа с высоким положением в обществе, чем в несколько болезненном, замученном острой нехваткой денег «лейтенанте Федоре (Theodor) Достоевском».

Толстой дважды побывал в Германии, в 1857 и 1860–61 гг.²⁹ Его поездки имели познавательный характер, литература играла в них лишь неважную роль. В те годы, после первых литературных успехов – автобиографической трилогии и *Севастопольских рассказов* Толстой интересовался прежде всего вопросами агрономии и агротехники, а также воспитанием крестьянских детей в Ясной Поляне. Поэтому целью его поездок в Германию было посещение образцовых учебных заведений и лесных академий. Он встречается с Бертольдом Ауэрбахом, сельским учителем и писателем, посещает детские сады и учительские семинарии в Йене. Несмотря на то, что своим острым взглядом он подметил все слабости своих собеседников, в своем дневнике (15-го апреля 1861 г.) он пишет: *Германия одна выработала педагогию из философии. Реформация философии.*³⁰ Литературой же он занимается мало. Во время своего первого путешествия Толстой ничего не создал из беллетристики, кроме рассказа *Люцерн*. *Люцерн* запечатлел реальную встречу с нищим странствующим тирольским певцом, которого рассказчик (Толстой) приглашает 7-го июля 1857 г. в фешенебельный отель «Швейцерхоф», чтобы позлить чванливую публику, отказавшую певцу в скромном подаянии за его песни.³¹ Человек с таким высоким общественным положением, как граф Толстой, конечно, может позволить себе так провоцировать великосветскую публику.

²⁸ Д. С. Мережковский. *Записная книжка 1891 г.*, Публикация М. Ю. Кореневой // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 323–362.

²⁹ Дневники Толстого содержат довольно подробное описание его поездок. См.: Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 47, 48–49 (Дневники). М., 1937, 1952.

³⁰ Там же. Т. 48. С. 33.

³¹ Там же. Т. 47. С. 140 и далее.

Иван Гончаров посетил Германию в 1857 и 1867 гг. Страна его мало впечатлила, если не считать того, что летом в Мариенбаде, в Богемии, он пережил состояние подлинного творческого подъема и наконец-то завершил *Обломова*. Знакомство с кельнским собором показалось ему ужасным. В одном письме он пишет: *Я выбежал на него из-за какой-то лавочонки и почти лег на спину, чтобы увидеть одну башню, которая готова только наполовину...*³² Подобные впечатления испытал и Достоевский, побывав несколько лет спустя в Кельне.

Николай Лесков и Александр Островский также путешествовали в 1860 гг. по Германии. Брат Лескова, который был и его биографом, описывает беглое знакомство Николая Лескова с Германией в двух фразах: *Швабские земли не манят. Их впору проехать транзитом, обозрев по-современному – из окна вагона.*³³ Островский (и он путешествует поездом) опять-таки замечает, что многое в Германии напоминает Россию. Улица «Под липами» в Берлине кажется ему чем-то средним между Тверским бульваром и Невским проспектом; в Вольфенбютtele поезда отправляются под перезвон колокольчика, *совершенно как у нас, когда поезд идет к вечерне*. В Геттингене его удивили студенты-корпоранты. По дороге в Кассель лопнула труба в кotle локомотива; во время длительного ожидания отправления поезда он срывает лист мать-мачехи. Островский считает, что он в горах Гарца.³⁴

О восьми поездках Достоевского в Германию можно рассказать множество историй.³⁵ Четвертая, и самая длительная, заграничная поездка затянулась почти на четыре года, с 1867 г. по 1871 г. В начале и в конце путешествия Достоевские жили в Дрездене. В эти годы был создан роман *Идиот* и задуманы *Бесы*. О жизни Достоевских за границей мы осведомлены так подробно благодаря дневникам Анны Григорьевны, одной из первых русских стенографисток, описавшей со всеми деталями будни в Дрездене и Баден-Бадене.³⁶ Упомяну лишь несколько моментов: Достоевский, говоривший по-немецки с грехом пополам, практически не имел контактов ни с немецкой интеллигенцией, ни с писателями. Его немецкими собеседниками были владельцы гостиниц, мелкие лавочники, случайные попутчики. Жил он очень замкнуто, посещал в основном читальные залы, где отдавал предпочтение фран-

³² Цитируется по кн.: Ю. Лошиц. Гончаров. М., 1986. С. 170.

³³ А. Лесков. Жизнь Николая Лескова. Тула, 1981. С. 156.

³⁴ А. Н. Островский. Полное собрание сочинений в двенадцати томах. М., 1973–1980. Т. 10. С. 382 и далее.

³⁵ Пребывание Достоевского в Германии детально представлено в кн.: К. Hielscher. *Dostoevski in Deutschland*. Frankfurt am Main–Leipzig, 1999.

³⁶ А. Г. Достоевская. *Дневник 1867 года*. Сост. С. В. Житомирская. М., 1993.

цузским журналам и запрещенной в России литературе. В Баден-Бадене Достоевский встретил Тургенева и Гончарова, у которых тотчас выпросил денег. Его антипатия к Германии и немцам укоренилась настолько, что он тут же из-за этого поссорился с Тургеневым. Во время достопамятной встречи 10-го июля 1867 года Достоевский принял оскорбительно выражаться о немцах; в ответ на это Тургенев не только защищал немцев, но и полностью встал на их сторону. Идеологические и творческие разногласия, проявившиеся тогда между славянофилом Достоевским и западником Тургеневым так никогда и не сгладились. С тех пор Тургенев оставался для Достоевского предателем российского отечества.³⁷

Для обоих писателей этот спор оказался симптоматичным. Соприкосновение того и другого с Германией и западным миром повлияло решительным образом на их идеологические установки. Достоевский осознал, что Россия ни в коем случае не должна идти по пути Запада; через смиренение и способность принимать на себя страдания она призвана принести избавление Западу, источенному материализмом. Тургенев, в свою очередь, не мог представить себе прогрессивный путь развития русской нации без усвоения основ западной цивилизации. Возможно, материальное положение обоих временных мигрантов отразилось в какой-то мере на их образе мыслей.

Во время самого длительного пребывания за границей Достоевский спасался от кредиторов. Он, правда, получал переводом немалые авансы, гонорары и ссуды; но поскольку у него не пропадает желание умножить эти деньги за игорным столом, он не только проиграл все до последнего гроша, но даже заложил последнее платье и обручальные кольца. (Анна Григорьевна некоторое время не отваживалась показываться в обществе в своем последнем плохоеньким платье).

Иное дело Иван Тургенев. Он происходил из семьи состоятельных землевладельцев и располагал к тому же значительными доходами от писательской деятельности. Уже в сороковые годы Тургенев учился в Берлине, который был тогда центром гегельянства левого и правого толка и обладал необычайной притягательностью для русских. Также, как Михаил Бакунин и Тимофей Грановский, Тургенев принадлежал к колонии русских гегельянцев в Берлине.³⁸ В русской духовной культуре они оставили глубокий след. Бакунин – как гегельянец левого радикального направления и революционный борец на дрезденских баррикадах (вместе с Рихардом Вагнером), потом как гла-

³⁷ См.: R. Lauer. *Geliebte und Krankenschwester des Genies. Die Tagebücher der Anna Grigorjewna Dostojewskaja* // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 8. Februar 1986. Nr. 33.

³⁸ D. Tschizhevskij. *Hegel bei den Slaven*. Darmstadt, 1961. S. 180ff., 229ff., 236ff.

ва движения анархистов; Грановский, историк и философ, – как убежденный западник, которого Достоевский изобразил в *Бесах* в образе Степана Верховенского. Уже в берлинские годы связи Тургенева с Германией, немецкой культурой, философией и литературой определили его позиции. Преклонение перед Гете и немецкими философами-идеалистами, некоторые личные знакомства восходят уже к этому периоду. В 1843 году произошло событие, определившее дальнейшую судьбу Тургенева – встреча с Полиной Виардо-Гарсиа, самой значительной певицей той поры в Европе. Тургенев становится сателлитом при Виардо, бывшей замужем за музыковедом, который был намного старше ее. Тургенев следовал за ними повсюду, с 1863 г. жил с ними в одном доме в Баден-Бадене; после 1872 года, т. е. по окончании франко-прусской войны, он построил себе дом на их земельном участке в Буживале под Парижем. Невероятной частотой передвижений, которой отмечена жизнь Тургенева особенно с 1860 года,³⁹ она обязана, с одной стороны, концертным планам Виардо, с другой, несомненно – литературной деятельности и бесчисленным дружеским связям самого Тургенева. Их отличительная черта – постоянный диалог о творчестве: обсуждение вопросов, как и о чем должен сочинять писатель, обходная критика или похвала, предложения о том, как можно способствовать литературному обмену между Россией и Западом. В отличие от Достоевского, Гончарова, Островского или Лескова Тургенев стал весьма заметным явлением в литературной жизни Франции и Германии. Более того, благодаря своим независимым взглядам на искусство, своей толерантности и, не в последнюю очередь, благодаря своему поистине завидному знанию важнейших европейских языков Тургенев сыграл роль культурного посредника европейского масштаба. Реализм, в котором русским, несомненно, довелось сказать решающее слово – если рассматривать его в широком смысле – стал общеевропейским событием в лице Тургенева и благодаря ему.⁴⁰

Как же выглядели немецкие связи и занятия Тургенева в Германии? В первую очередь, нужно упомянуть быстрое появление рассказов и романов Тургенева в немецком переводе. В России его первым большим успехом стали *Записки охотника* – сборник рассказов, вышедший в 1852 году. Этот литературный предвестник борьбы против крепостничества уже через два года после появления русского издания, был представлен в немецком переводе. Активное участие в его подготовке принял Пауль Хейзе, живший тогда в Берлине. Романы Тургенева, написанные в период с 1856 по 1877 г. (всего

³⁹ См. описание путешествий в томах *Письма полного собрания сочинений Тургенева* (см. прим. 20).

⁴⁰ См.: R. Lauer. *Der europäische Realismus* // R. Lauer (Hrsg.). *Europäischer Realismus*. Wiesbaden, 1980. (=Neues Handbuch der Literaturwissenschaft. Bd. 17.) S. 26.

шесть: *Рудин*, *Дворянское гнездо*, *Накануне*, *Отецы и дети*, *Дым*, *Новь*) были изданы в Германии один за другим с 1862 по 1877 год, т. е. со все меньшими интервалами. В 1864–1865 гг. Фридрих Боденштедт подготовил к печати двухтомное собрание его рассказов; наконец, в 1869–1884 гг. вышло в свет немецкое издание *Избранных произведений* Тургенева в двенадцати томах.

Большая дружба связывала Тургенева с Теодором Штормом, с Людвигом Питчем, журналистом и художником в «Воссише Цайтунг», ставшим ближайшим другом, посредником, помощником и, если угодно, фактотумом Тургенева в Германии; а также с Юлианом Шмидтом, одним из самых влиятельных литераторов своего времени, издателем национал-либеральной газеты «Гренцботен», который с 1868 по 1883 г. опубликовал десять больших статей о Тургеневе и рецензий на его произведения.⁴¹

Тургенев и Шторм⁴² взаимно ценили друг друга – и по-человечески и как художники, хотя у каждого и были упреки по поводу литературной манеры другого. Тургеневу не нравилось у Шторма романтическое облагораживание действительности, Шторму у Тургенева – реалистическая неприкрашенность (хотя из всех русских реалистов как раз у Тургенева романтическая и лирическая стороны выражены еще очень сильно). Дружба Тургенева и Шторма проявила себя в один из тяжелейших периодов в жизни Шторма.⁴³ Когда жена Шторма умерла при родах, Тургенев пригласил друга, глубоко потрясенного этим событием, пожить у него на Шиллерштрассе в Баден-Бадене. Понемногу оправляясь от удара судьбы, Шторм провел у Тургенева восемь дней. В сердечном письме Тургенев поблагодарил друга за визит, вселяя в него мужество и надежду: *Тень вашей тяжкой утраты лежала еще на всем Вашем существе, но за ней сияли прекрасные лучи, и мы надеемся на самое лучшее в будущем году. Насколько я Вас знаю, пурпурного блеска не было и не будет в Вашей жизни, но все-таки в ней будет большие лилового цвета, чем серого.*⁴⁴

Любезный, но никак не робкий, Тургенев то и дело попадал в истории, в которых оказывалась затронутой его честь. В 1863 г., во время второго польского восстания, ему приписали распространение сведений о зверствах поляков, что не соответствовало действительности. О его фигуре ходили и другие неприятные пересуды. Особенно его задело, когда в 1872 году в Берлине распространился слух, будто Тургенев во Франции позволил себе оскорбительные

⁴¹ Ср.: Библиографический указатель к соч. Тургенева (см. прим. 20), *Письма*. Т. 7. С. 611 и далее.

⁴² K. E. Laage. *Theodor Storm und Iwan Turgenev*. Heide, 1967.

⁴³ См. об этом: Ch. Schultze. *Theodor Storm und Turgenev* // G. Ziegengeist (Hrsg.). *Turgenev und Deutschland. Materialien und Untersuchungen*. Berlin, 1965. S. 3–51.

⁴⁴ Там же. С. 12.

высказывания о Германии и о немцах.⁴⁵ Поскольку до того Тургенев постоянно выставлял себя другом немцев, теперь над ним нависло обвинение в «ужасном двурушничестве». Дело было в том, что Тургенев, как и семья Виардо, принял во время франко-пруссской войны сторону французов, возмущенный духом захватничества и территориальными требованиями Пруссии, шедшими в разрез с его пониманием Германии. Теперь утверждалось, будто тогда он заявил, что не знает более ни одного порядочного немца. (Кстати, в повести *Вечные воды* (1872) немцы, в отличие от русских и особенно итальянцев изображены довольно отрицательно как заносчивые офицеры или мещане). Насколько важно было для Тургенева устраниТЬ это недоразумение, видно по тому, что он попросил своих друзей Людвига Питча и Юлиана Шмидта сделать от его имени авторизованное разъяснение в немецкой прессе. В этом тексте подчеркивалось, что Тургенев не является германофобом, но, напротив, был и остается другом Германии и почитателем немцев и их культуры. Это, конечно, не означает, что он не в праве по тем или иным поводам критиковать немцев. Но ничто не может пошатнуть признания, сделанного писателем в предисловии к немецкому изданию *Избранных сочинений*, где сказано: *Я слишком многим обязан Германии, чтобы не любить и не иметь ее как мое второе отчество.*⁴⁶

При всей дружбе и взаимно высокой оценке, связывавших Тургенева с его немецким окружением, в художественном отношении их разделял принципиальный и непреодолимый в том поколении барьер. Корни его были в расхождениях между путями литературной эволюции в Германии и России. Программа немецкого реализма, составленная Юлианом Шмидтом, Густавом Фрейтагом и Отто Людвигом после поражения революции 1848/49 гг., (как показал Фритц Мартини)⁴⁷ делала ставку в искусстве – помимо решения политических и культурно-политических задач – на «поэтический реализм», то есть такое искусство, которое идеализирует социальную действительность, просветляет ее с тем, чтобы гармонизировать кризис общества в реставрирующей утопии. В художественной форме постулаты идеалистической эстетики и классико-романтической художественной практики продолжали оказывать свое воздействие. Напротив, русские писатели-реалисты, и сам Тургенев, начиная с 1840 гг., добивались такой остроты изображения действительности и описания общества, которая едва ли была приемлема для немцев.

⁴⁵ G. Jonas. *Eine Erklärung Julian Schmidts aus dem Jahre 1873* // G. Ziegengeist (Hrsg.). *Turgenew und Deutschland*. (См. прим. 43) S. 186–189.

⁴⁶ Там же. С. 189.

⁴⁷ F. Martini. *Deutsche Literatur im bürgerlichen Realismus 1848–1898*. Stuttgart, 1980; F. Martini. *Bürgerlicher Realismus in der deutschsprachigen Literatur* // *Europäischer Realismus*. S. 223–274. (См. прим. 40).

После уже приведенных примеров обобщенной высокой оценки уместно будет, заканчивая, проиллюстрировать и этот аспект отношений. Так, Теодор Фонтане в письме к жене летом 1881 г. неприязненно высказывается о литературной манере Тургенева: *Художник во мне восхищается всем этим. Я учусь на этом, утверждаюсь в своих принципах и изучаю российскую жизнь. Но поэт и человек во мне отворачивается, покосившись плечами. Это – муз в мешке и пепле, Аполлон с зубной болью.*⁴⁸

Острая наблюдательность и лаконичное искусство Тургенева вызывают в Фонтане скуку: все отражено «так бесконечно прозаично и непросветленно». Тургенев же со своей стороны не менее резко осуждает немецкую повествовательную манеру. Прочитав новеллу Шторма *Aquis submersus*, он пишет в письме к Людвигу Питчу: *Немцы, когда рассказывают, всегда совершают две ошибки: скверно мотивируют – и самым непростительным образом идеализируют действительность. Берите действительность в ее простоте и поэтичности – а идеальное само приложится. Нет. Немцы могут завоевать весь мир; но рассказывать они разучились ... да, по правде сказать, как следует никогда и не умели. Если немецкий автор рассказывает мне что-нибудь трогательное – то он не может удержаться, чтобы не указать одним перстом на свои заплаканные глаза – а другим не подать мне, читателю, скромного знака, чтобы я тоже не оставил без внимания тот предмет, который растрогал его!*⁴⁹

Ничто так ярко не выражает различия между немецким и русским реализмом, как тот факт, что Достоевский и Толстой поначалу, в 1880 гг., были восприняты в Германии как натуралисты. Только в следующем поколении, при Германе Гессе и Томасе Манне, изменившиеся параметры литературного процесса расчистили путь для адекватного восприятия и плодотворного усвоения великой русской повествовательной традиции в Германии. Обрисованные мною обстоятельства «литературной жизни» одновременно составляют преддверие той эпохи, с еще в целом мало оформленными отношениями. Тургенев выполняет здесь роль предтечи и провозвестника. Без Тургенева, его произведений и воздействия, оказанного им на Германию, «славянского» направления в немецкой литературе (как определил его Герман Гессе в 1890 гг.), никогда бы не было.

Перевод с немецкого Елены Денисовой

⁴⁸ Письмо к Эмилии Фонтане от 9-го июня 1881 года. См.: *Fontanes Briefe in zwei Bänden*. Berlin–Weimar, 1968. Bd. II. S. 46.

⁴⁹ Письмо от 16-го/28-го декабря на немецком языке. // И. С. Тургенев. (См. прим. 20) Письма. Т. XII/1. С. 37, 369.